

К ПОНИМАНИЮ МИРОПОРЯДКА *(ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИЙ)*

Мировой политической порядок, призванный обеспечивать достаточный уровень национальной и международной безопасности, предполагает высокую степень глобальной стабильности. Но вот вопрос: основывается ли эта стабильность на консенсусе между членами мирового сообщества или допускает существование определенного рода социально-политических конфликтов? А если допускает, то что это за конфликты и как к ним относиться? И другой вопрос: какого рода глобальная стратегия способна обеспечить такую стабильность?

В мировой политической науке и в социологии сложились два разных подхода к проблеме стабильности как условию мирового порядка.

Первый из них представлен структурным (нормативным) функционализмом во главе с Талкотом Парсонсом. Согласно постулатам этой школы, единственным источником стабильности системы является консенсус акторов относительно господствующих в ней норм и ценностей и протекающих в ней процессов. Конфликт рассматривается как угроза стабильности системы, «признак болезни социального организма. Благополучные общества вырабатывают способы борьбы с социальными конфликтами точно так же, как здоровые биологические организмы борются с микробами или другими болезнетворными организмами» (1). Это относится ко всем типам социального порядка, включая мировой политический порядок, и всем типам социальных систем, включая мировую политическую систему.

Эдуард Яковлевич Баталов — главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, доктор политических наук, профессор

Второй подход представлен, например, теорией конфликта (Льюис Козер и др.). Согласно ей, социально-политический конфликт может выполнять позитивные функции и быть не только источником нестабильности, но и способствовать стабилизации системы, поскольку фиксирует внимание членов общества на назревших проблемах и способствует — при корректном управлении конфликтом — разрешению возникших противоречий, обновлению системы, ее приспособлению к новым условиям.

Для руководства США «демократизация мира» — путь к глобальному искоренению международного терроризма. Но именно Буш и компания, подготовив и осуществив нападение на Ирак весной 2003 года, нанесли ощутимый удар по теории демократического мира

Хотя в мире всегда существовали политики и мыслители, видевшие в войне конструктивное начало (например, Гегель), большинство из них рассматривали войны как разновидность деструктивного конфликта, который следовало бы предотвращать. А многие просветители и гуманисты (в том числе Кант) бились над вопросом: как исключить войну из жизни общества и утвердить на земле «вечный мир»?

Несмотря на усилия миротворцев и мыслителей, войны сопровождали человечество на протяжении всей его истории. Это не могло не породить представления, что война как социальное явление естественна и неизбежна. Но если невозможно избежать войны, то необходимо создать мировой порядок, который позволял бы избегать войн, способных дестабилизировать, взорвать его. Речь идет о мировой войне и о войнах между великими державами, способных вылиться в мировую войну.

Двухполюсный мир позволял сверхдержавам контролировать глобальную ситуацию и предотвращать — порой совместными усилиями — возникновение или разрастание опасных конфликтов, либо находить пути их урегулирования (пример — преодоление Карибского кризиса). После того как Ялтинско-Потсдамский порядок ушел в прошлое, произошло, по меткому выражению П.А. Цыганкова, «высвобождение “замороженных” прежде этнических, межплеменных, националистических конфликтов» (2) — особенно в слабо развитых странах, а также на территориях бывших социалистических стран. В ряде случаев эти конфликты переросли в локальные войны.

В 80-е годы XX века в Америке возникла теория демократического мира. В 1990-е годы она стала восприниматься многими как «эмпирически

выведенный закон международных отношений» (3), фиксирующий каузальную зависимость между типом политического режима страны и ее поведением на международной арене.

Теория демократического мира, по замыслу ее американских приверженцев, должна предопределять внешнеполитическую стратегию США — «стратегию расширения <...> сообщества рыночных демократий мира» (4). Этот тезис нашел отражение и в официально провозглашенной стратегии национальной безопасности, которая была определена как «стратегия вовлеченности и расширения». И хотя она была эклектичной, «экспорт или расширение демократии за границей стали главным фокусом внешней политики Америки...» (5).

Некоторые из идей теории демократического мира были восприняты — по крайней мере декларативно — и администрацией Дж. У. Буша, который не раз заявлял, что задача США — способствовать утверждению демократических режимов по всему миру. В сущности, это была все та же стратегия расширения. Особое внимание Буш обращал на Ближний Восток. В своей книге «План нападения», описывающей подготовку Вашингтоном вторжения в Ирак, американский журналист Боб Вудворд приводит слова вице-президента Чейни, сказанные им о Буше весной 2003 года в узком кругу: «Демократия на Ближнем Востоке — это для него большое дело» (6). Сегодня это «большое дело» — план демократизации региона, вписывающийся в так называемую третью волну демократизации (7).

Для руководства США «демократизация мира» — путь к глобальному искоренению международного терроризма. Но именно Буш и компания, подготовив и осуществив нападение на Ирак весной 2003 года, нанесли ощутимый удар по теории

События 11 сентября 2001 года и реакция на них Соединенных Штатов дали американцам повод для утверждений, что в истории международных отношениях наступает чуть ли не радикальный поворот

демократического мира. Сам процесс подготовки этой войны США и их союзниками еще раз (вспомним Югославию) убедил мир в том, что пацифистские ограничители силовой политики, на которых строится теория демократического мира, в сложившихся условиях либо вовсе не работают, либо малоэффективны. И нет никаких гарантий, что они заработали бы в случае конфликта между демократическими государствами, ибо их неэффективность заложена в самой системе. Многочисленные

свидетельства в пользу такого заключения мы находим в упомянутой выше книге Вудворда, основывающейся на солидной документальной базе.

Как показал Вудворд, война США против Ирака готовилась узким кругом лиц в условиях строжайшей секретности. Весьма активную роль и в подготовке планов военных действий, и в определении общей стратегии США играли спецслужбы. Что касается американской общественности, то ее игнорировали и... боялись. Отсюда — целенаправленная дезинформация граждан. Даже когда детальный план военных действий был утвержден Дж. Бушем, он продолжал повторять на публике заученную фразу: «На моем столе нет плана военных действий».

Как убеждены ряд серьезных американских аналитиков, эффективно противодействовать международному терроризму может продуманная кампания, в основе которой лежат разведка, политическая дальновидность и беспощадность в акциях, не подлежащих огласке

Как известно, неуверенность американцев в будущем заметно усилилась после 11 сентября 2001 года, когда стали очевидными два весьма серьезных обстоятельства. Во-первых, Соединенные Штаты на собственном горьком опыте убедились в том, что в мире имеются силы, отвергающие либерально-демократические ценности и готовые отстаивать свое право жить по-своему и бороться против Запада во главе с США любыми средствами. Эти силы используют в числе других средств террористические методы борьбы, ставят целью дестабилизировать существующий, отвергаемый ими миропорядок. А это значит, что будущее мира не сулит спокойной жизни.

И второе обстоятельство. США, отвечая на брошенный им вызов, готовы использовать его как предлог для изменения геополитической ситуации в мире в свою пользу и стать активными инициаторами и участниками новых, непредсказуемых по последствиям войн. Политический курс нынешней администрации США подкрепляет опасения некоторых аналитиков, что новый мировой порядок, возможно, будет сопряжен с фактической институционализацией превентивных, не санкционированных международными организациями (в первую очередь, ООН) войн Америки против тех государств, в которых она увидит препятствие на пути укрепления своего глобального господства. События 11 сентября 2001 года и реакция на них Соединенных Штатов, особенно карательная

акция против Афганистана и агрессия против Ирака, дали американцам повод для утверждений, что в истории международных отношений наступает чуть ли не радикальный поворот.

Американцев целенаправленно готовили и готовят к войне. Эта линия отчетливо просматривается в работах современных американских аналитиков, посвященных возможности нового типа ведения войн (подчеркиваем: не нового типа войн, а именно нового типа ведения войн), по крайней мере локальных. Еще с начала 1990-х годов и со времени операции против Ирака, названной «войной в Заливе», у американских политиков и политических аналитиков стало складываться представление, что наиболее передовые армии конца XX — начала XXI века (и в первую очередь, конечно, армия США) могут вести войну по-новому. Это значит — иметь потери, которые меньше потерь, «обычно сопровождающих использование военной силы» в подобного рода ситуациях (8). Для нации, которая проявляет чувствительность к потерям в живой силе на полях сражений, и немалая часть которой отвергает идею всеобщей воинской обязанности, это представляется существенной новацией. По-новому — это еще и с широким применением новейшего вооружения и новейших технических средств. Наконец, еще одна характеристика нового типа ведения войн — скоротечность военных действий.

Последний крутой поворот в истории войн непосредственно связан с событиями 11 сентября — Белый дом и многие заокеанские аналитики видят в новом типе ведения войн военные действия против международного терроризма.

О том, какой может и должна быть подобного рода война, написано уже немало. Но, кажется, никто еще не сформулировал ее принципы столь лаконично и прямолинейно как американский профессор Роберт Такер. Вот ее три «практических» принципа: «война, не имеющая четко определяемой цели»; «война, не имеющая географических границ»; «война, в которой воля нанести удар первым рассматривается как необходимое условие эффективной обороны» (9).

Такер забыл назвать еще одну важную черту описываемого им типа войны — отсутствие временных границ. Добавим к сказанному, что американцы так до сих пор и не разобрались, ведут ли они войну «против терроризма», «против террора» или «против террористов». Все три термина используются как синонимы.

Но как можно вести успешную войну, не имеющую географических границ? И еще вопрос: как можно вести войну против «терроризма» и «террора»?

Против них можно вести борьбу, но не войну. А между тем многие американцы говорят о войне в самом прямом смысле слова.

Использование термина «война» применительно к террористам, предупреждает военный аналитик Майкл Ховард, может иметь глубокие и опасные последствия. «Объявлять войну террористам или, что еще более ошибочно, объявлять войну терроризму — значит немедленно присвоить террористам статус и звание, которого они добиваются. Этот статус наделяет их подобием легитимности. Ховард видит и другую опасность: «Общество начинает ожидать и требовать немедленных впечатляющих и победоносных военных действий против некоего легко узнаваемого противника...» (10).

Как убеждены ряд серьезных американских аналитиков, эффективно противодействовать международному терроризму может продуманная кампания, в основе которой лежат разведка, политическая дальновидность и беспощадность в акциях, не подлежащих огласке. «Чем скорее американские государственные деятели остудят свой риторический воинственный пыл и будут думать не об апокалиптических крестовых походах против зла, а о заурядных глобальных полицейских операциях против преступности, тем легче будет перейти к конструктивной деятельности, направленной на установление мира и заручиться при этом поддержкой со стороны остальной части мира» (11).

11 сентября 2001 года мы стали свидетелями кумулятивного эффекта деятельности международного терроризма, осуществившейся им на протяжении предшествующих лет. Как глобальный феномен международный терроризм имеет не только религиозные, но также социально-политические и экономические корни, о чем умалчивают многие заокеанские политики и политические аналитики. Это — деструктивная форма протеста против сложившейся в мире системы богатства, власти, социальных и политических ролей.

Современный международный терроризм — порождение ряда процессов и явлений:

- ◆ политических и экономических отношений, которые существовали в мире на протяжении последних десятилетий;
- ◆ эксплуатации слаборазвитого Юга развитым Севером;
- ◆ насильственной «вестернизации» Востока;
- ◆ борьбы за передел мира, развернувшейся после падения Ялтинско-Потсдамского миропорядка и продолжающейся в разных формах по сей день;
- ◆ гегемонистских устремлений США.

Посредством войн международный терроризм не победить. Нужны иные средства. Одну из самых

Мы уверены, что пока на Земле не сложится миропорядок, базирующийся на современном глобальном социальном контракте, мир будет оставаться чрезвычайно хрупким и уязвимым

последовательных позиций по данному вопросу занимает Ноам Чомски, полагающий, что важнейшее условие успешной борьбы с терроризмом — отказ США от стратегии глобального господства, которая в сложившихся условиях выступает в качестве антитезы выживания человечества (12). Только так можно подсесть глубинные корни терроризма — экономические и социальные. И еще один важный аспект: нужно научиться проводить границу между самими террористическими организациями и общностями, из которых они пополняют свои ряды. Эти общности, считает Чомски, включают бедных и угнетенных людей, не являющихся террористами по убеждениям.

Мы уверены, что пока на Земле не сложится миропорядок, базирующийся на современном глобальном социальном контракте, то есть созданный добровольными усилиями всех стран и отражающий баланс основных национальных, региональных и глобальных потребностей и интересов, мир будет оставаться чрезвычайно хрупким и уязвимым со стороны стран, не входящих в «золотой миллиард». В первую очередь, со стороны «аутсайдеров», готовых прибегнуть к крайним, в том числе террористическим, методам борьбы за обеспечение своих интересов (иных средств силового воздействия на своего врага у них и нет).

Заключение глобального социального контракта вовсе не сводится к подписанию очередного документа, никого и ни к чему реально не обязывающего. Речь идет о стратегии целенаправленного формирования сбалансированных устойчивых отношений между членами мирового сообщества — независимо от того, на какой ступени социального, политического и экономического развития они находятся. Отношений, построенных на основе консенсуса и гарантирующих (насколько вообще возможны такие гарантии) неиспользование иллегитимных средств (террор — индивидуальный, групповой или государственный — относится именно к таким средствам).

Беда современной Америки в том, что, ослепленная собственной мощью, она не может понять: эпоха односторонних диктатов миновала. Настало время договариваться (разумеется, не с террористами) о новых базовых правилах международного общежития и общения, о базовых ценностях, которые всегда именуются общечеловеческими,

но по своему содержанию никогда таковыми не были. Между тем формирующийся глобальный мир нуждается именно в общечеловеческих ценностях, которые могли бы лечь в основу искомого консенсуса.

Резонно предположить, что формирование глобального социального контракта — длительный, сложный, противоречивый и неравномерно протекающий процесс, конкретное содержание и ступени которого неопределимы априори.

Не менее важное условие стабильного мироустройства — борьба против расизма, шовинизма, этноцентризма. Использование таких клише, как «арабский терроризм», «исламский терроризм» и т.п. (ими широко пользуются в США) не только затушевывает истинную суть явления и провоцирует представления о неизбежности столкновения религий и цивилизаций, но и усиливает напряженность на глобальном уровне. Необходимо попытаться спроецировать внутривосточный опыт ряда стран в области межэтнического урегулирования на сферу международных отношений и одновременно интернационализировать его, что обязательно принесет положительные плоды.

Конечно, добиться более или менее ощутимых успехов в формировании глобального социального контракта возможно лишь при том неременном условии, что задача эта будет решаться всеми (почти всеми) членами мирового сообщества и на всех уровнях. То есть необходимо участие и прайвильств разных стран, и международных организаций во главе с ООН, и ТНК, и СМИ, и университетов, и крупных общественных и политических деятелей, и рядовых граждан.

Глобальный социальный контракт — это стратегия целенаправленного формирования сбалансированных устойчивых отношений между членами мирового сообщества

Возможно, сегодня это выглядит прекраснордушными мечтаниями. Но всего несколько десятилетий назад капиталистическое социальное государство, идея которого отвергалась многими в США и Европе, тоже выглядело химерой. Но Америка его построила у себя дома и помогла построить в Европе!

Немало сомнений вызывает тезис о радикальном изменении характера международных отношений после 11 сентября. Суть этих изменений, как их представляют себе некоторые американские аналитики, сводится к трем основным положениям:

1) наряду с войнами государств друг против друга возможны войны индивидов и групп против государства;

2) индивиды и группы наряду с государствами выступают в роли глобальных акторов;

3) возрастает незащищенность и уязвимость и мирового сообщества в целом, и отдельных государств.

Профессор Стэнли Хоффманн пишет: «...события 11 сентября были восприняты как начало новой эры. Что это означает? Согласно общепринятому подходу к международным отношениям, войны ведутся между государствами. Но в сентябре вооруженные индивиды бросили вызов доминирующей сверхдержаве мира, повергнув ее в изумление и ранив ее. Это нападение показало также, что при всех своих достоинствах глобализация открывает перед безнадежными фанатиками легкий путь к свершению ужасных актов насилия. По мере того как бесчисленные индивиды и группы становятся глобальными акторами, действующими наряду с государствами, незащищенность и уязвимость возрастают» (13).

Совершенно очевидно: объявить террористическую акцию 11 сентября «войной» и возвести такого рода «войны» в ранг нового элемента международных отношений Америке понадобилось для оправдания объявленной ею «войны против международного терроризма», под видом которой — это подтвердил последующий ход международных событий — она могла бы вести «упреждающие» войны против неудобных ей суверенных государств. И если выше было сказано, что «война» той или иной державы против «международного терроризма» — это никакая не война, то теперь ясно, что и «война» террористов против той или иной державы — это, конечно, тоже не война. Разумеется, мы не будем считать войной любые действия, наносящие больший или меньший урон — моральный и/или материальный — отдельным группам людей, отдельным государствам или группам государств.

Совсем другое дело — постулированное С. Хоффманном умножение численности акторов, выступающих на мировой политической сцене. Хоффманн справедливо связывает это явление с процессом глобализации. Но оно одновременно и следствие процессов дезинтеграции государств и ослабления их суверенитета, начавшихся по меньшей мере в 80-е годы минувшего века.

Без сомнения, современный терроризм повышает степень уязвимости мира и человечества. Но терроризм явился на свет не вчера. Вчера стала очевидной возросшая степень уязвимости США и неспособность государства и общества защититься

от современных угроз исключительно собственными силами. Уязвимость эта появилась до 11 сентября, а печальный сентябрь только ярко высветил ее.

Иными словами, если в международных отношениях и произошли существенные сдвиги, то случилось это не в 2001 году. Просто после 11 сентября и сама Америка, и другие страны в целом стали полнее осознавать грозящие им опасности, лучше представлять себе, сколь хрупок мир и сколь разительно нынешняя Америка отличается от Америки прошлого, гордившейся своей «исключительностью».

Главное изменение в американской стратегии создания нового миропорядка — жесткая ориентация на односторонние действия

Интерпретация американцами событий 11 сентября и их последствий лишний раз подтверждает, что в основе их оценки происходящих в мире процессов и тенденций развития лежат америкоцентризм (как одна из форм проявления американского национализма) и нарциссизм.

Еще в начале 1990-х годов у США были опасения, что новый мировой порядок может оказаться «многополюсным» (14), и Америка — во имя сохранения своего верховенства — старалась не оттолкнуть от себя своих союзников. Но когда выяснилось, что отсутствуют реальные силы, способные противостоять Америке, она, поначалу не отказываясь от партнерской риторики, перестала прислушиваться к чьему-либо голосу. Уже осенью 2002 года Майкл Ховард вынужден был с горечью констатировать: «...если на другой день после 11 сентября все мировое сообщество объединилось в своей поддержке США, то год спустя американцы обнаружили себя в состоянии изоляции, похожем на то, в каком оказалась Британская империя в конце XIX века» (15).

Возможно, слово «изоляция» — некоторое преувеличение, но после 2001 года авторитет Америки в глазах союзников, прежде всего европейских, заметно упал, а недовольство внешней политикой США возросло. В докладе «Условия вовлеченности. Парадокс американской силы и трансатлантическая дилемма после 11 сентября» (16) Института исследования безопасности Европейского союза (май 2002 года) отмечается, что главное изменение в американской стратегии создания нового миропорядка — жесткая ориентация на односторонние действия, «унилатералистская лихорадка в сочетании со сверхмилитаризацией американской внешней политики» (16).

Вашингтонская политика унилатерализма проявляется в нежелании США консультироваться

с другими государствами, включая союзников, по вопросам, представляющим общий интерес; в односторонних действиях, противоречащих интересам других государств; в игнорировании позиций ООН и иных международных институтов (17).

Довольно большая группа известных американских аналитиков консервативного толка (Ч. Краутхэммер, У. Кристол, Р. Кэген и др.) оправдывают унилатералистскую позицию США как необходимую и отвечающую не только интересам самой Америки, но и всего свободного мира. Наиболее последовательный, циничный выразитель и защитник этой позиции — Краутхэммер. Незадолго до 11 сентября он писал: «Новый унилатерализм ставит целью укрепить американскую мощь и поставить ее — без всякого стеснения — на службу глобальным целям, которые мы сами и определим» (18). 11 сентября и война в Афганистане лишь укрепили уверенность Краутхэммера в моральной обоснованности односторонних действий Соединенных Штатов. Новая американская внешняя политика основана на трех четких принципах: моральность, опережающие действия и унилатерализм. Европейцы, сетует Краутхэммер, не в состоянии угнаться за Соединенными Штатами, к тому же им не хватает решительности. Вот Америке и приходится действовать в одиночку. Краутхэммер проясняет истинную суть современного американского унилатерализма как сочетания политики ультиматумов и гегемонизма, причем ультиматумы предъявляются и врагам, и друзьям. Америка самостоятельно принимает судьбоносные — не только для самих США, но и для всего мира — решения и предлагает своим союзникам либо присоединиться к реализации этих решений, либо отойти в сторону и не мешать ей делать то, что она считает нужным. «Не хотят европейцы видеть себя участниками этой борьбы — прекрасно. Хотят оставаться в стороне — прекрасно. Мы позволим им подержать наши пальцы, но не позволим связывать себе руки» (19).

Но есть и другая позиция, представители которой (известные аналитики-международники Джозеф Най-мл., Джон Айкенберри, Уильям Пфафф) критикуют стратегию унилатерализма. Их главный довод: эта стратегия направлена в конечном счете против самих же Соединенных Штатов, ибо мешает им решать задачи, отвечающие их национальным интересам (20). Это справедливо, в частности, в отношении борьбы с терроризмом: победить в этой борьбе под единоличным «управлением» США практически невозможно уже в силу международного характера терроризма. Еще труднее в одиночку выстроить новый мировой порядок, способный обуздать терроризм.

Унилатерализм построен на игнорировании норм международного права (21) и предполагает нанесение США превентивного удара по носителям потенциальной угрозы без предварительных консультаций с кем бы то ни было. Унилатерализм ведет к нарушению национального суверенитета государств, которые могут быть объявлены местом пребывания террористических организаций или даже обвинены в сотрудничестве с террористами. Положение усугубляется отсутствием ясного, четкого общепринятого представления (зафиксированного в юридических нормах) о том, что такое международный терроризм, в чем он конкретно проявляется, кого можно и кого не следует «записывать» в террористы. Айкенберри уверен, что мы вступаем в мир «апокалиптического насилия» (21) и, возможно, неконтролируемого разползания оружия массового уничтожения, поскольку унилатерализм ведет к фактическому разрушению механизмов обеспечения его нераспространения. Враждебные США государства, возможно, попробуют (некоторые уже пытаются это сделать) ускорить создание собственного оружия массового уничтожения.

И еще одна проблема. Даже если одностороннее использование силы против государства — потенциального источника угрозы окажется успешным, потребуется еще много времени, усилий и средств, чтобы вернуть его жизнь в нормальное русло. Одной Америке это не под силу. События вокруг Ирака подтверждают такой вывод. Проиригнорировав на этапе вторжения в эту страну мнение ООН и ряда других мировых держав, Соединенные Штаты уже через несколько месяцев после окончания военной стадии операции начали понимать, что без активной поддержки мирового сообщества и подключения ООН ситуацию в Ираке не нормализовать.

Примечательно, что критики унилатерализма имеются даже среди сторонников стратегии «первенствования». Америка, утверждают они, беспрецедентно сильна, но отсюда вовсе не следует, что она должна проводить «агрессивный унилатералистский курс»: «В конце концов, самым ценным является влияние, а не сила. Чем дальше заглядываешь вперед, тем яснее видишь, что многие вопросы — окружающая среда, болезни, миграция, стабильность глобальной экономики и многое другое — не могут быть решены Соединенными Штатами в одиночку» (22).

Парадокс американской силы, о котором говорят сегодня критически настроенные европейские аналитики, в том, что «чем сложнее и многосторонней становится природа вызовов и угроз, с которыми сталкивается Запад, тем более односторонней и милитаризованной оказывается вовлеченность США (в мировые дела — Э.Б.)» (23). При этом

использование ими своей огромной военной мощи оказывается неэффективным.

Первые негативные следствия унилатералистской стратегии признают даже некоторые из ее приверженцев. Краутхэммер пишет: «...после 11 сентября американский унилатерализм породил первый кризис однополюсности. Он разворачивается вокруг центрального вопроса однополюсного века: кому дано определять цели гегемона?» (24). Пока побеждают те, кто отвечает: «Америка, только Америка, никто, кроме Америки». Изменится эта ситуация, по всей видимости, когда «единственная супердержава» столкнется с непреодолимыми внутренними и внешними препятствиями при осуществлении ее курса. Время безнаказанного глобального унилатерализма миновало, и мировой порядок начала XXI века требует стратегий, основанных на кооперативных действиях, которые уважают национально-государственный суверенитет и преодолевают его ограниченность.

Некоторые аналитики полагают, что это время уже наступило, и США, сохраняя приверженность унилатерализму на словах, отказываются от него на практике. «...Хотя риторика Буша осталась прежней, — утверждает А. Этциони, — постулаты, из которых его администрация исходила в своих действиях, к 2004 г. начали сходить на нет, а вместо них пришлось принять прямо им противоположные. Именно пришлось, поскольку радикальная смена курса обусловлена учетом реалий, а не пересмотром идеологии...» (25).

Чем сложнее и многосторонней природа вызовов и угроз, с которыми сталкивается Запад, тем более односторонней и милитаризованной оказывается вовлеченность США в мировые дела

Действительно, в последние год-полтора американцы внесли некоторые коррективы в свою внешнеполитическую риторику. Но они не означают отказ США от политики унилатерализма. Дело ведь не в том, сколько стран поставляют пушечное мясо для военных операций, а в том, в чьих интересах последние совершаются. А тут принципиальных изменений не произошло. И это таит в себе большие опасности как для всего мира, так и для самих США.

Об этом заявил В.В. Путин в выступлении на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года (26). В сущности, он сформулировал три тезиса, отражающие позицию России по вопросам внешней политики, реальное состояние нынешнего мирового порядка и пути его оптимизации.

Тезис первый. «Однополярный» миропорядок, в котором существует один центр силы, один центр власти, один центр принятия решений и один суверен, губителен «не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри». Мир становится не только более сложным и многообразным — он становится более динамичным и более хрупким, а его эволюция — более трудно предсказуемой. В этих условиях ни одна держава не способна в одиночку принимать оптимальные решения по руководству миром. Тем более такая страна, как США, мощь и богатство которой не подкрепляются ни политической мудростью глобального масштаба, ни длительным опытом успешного глобального лидерства, ни культурной и политической толерантностью.

Тезис второй. Мир нуждается в новом, более рациональном, более безопасном политическом и экономическом порядке. Его характерные черты: учет интересов всех стран и участие их в управлении этим порядком; полицентрическая структура, при которой ни один из центров не обладает подавляющим превосходством и не способен навязывать силой свои решения другим; соблюдение норм международного права и договоренностей, достигнутых между центрами; соблюдение ряда экономических и экологических самоограничений, призванных предотвратить расточительное расходование жизненно важных природных ресурсов; запрет на использование космоса в военных целях; религиозная и культурная толерантность.

Третий тезис. Установить такой порядок можно только общими усилиями всех государств и других субъектов международных отношений. Объективные предпосылки для такого сотрудничества имеются. Вопрос в том, поймут ли США и их союзники, что XXI век не будет «американским веком». От этого будет зависеть судьба как самой Америки, так и всего мира. ■

Примечания

1. Козер Л. Функции социального конфликта. Предисловие к русскому изданию / Пер. с англ. М., 2000. С. 25.
2. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М., 2002. С.427.
3. Russett B. Grasping the Democratic Peace: Principles for a Post-Cold War World. Princeton, 1993.
4. Lake A. From Containment to Enlargement // U.S. Department of State Dispatch. 1993. Sept. Vol. 4. № 39. P. 3.
5. Layne Ch. Kant or Cant. The Myth of Democratic Peace // International Security. 1994. Fall. Vol. 19. № 2.
6. Woodward B. Plan of Attack. N.Y. et al., 2004. P. 412.

7. Хантингтон С. Третья волна / Пер. с англ. М., 2003.
8. Tucker R. The End of Contradiction? // The National Interest. 2002. Fall. P. 6.
9. Tucker R. Op. cit. P. 6.
10. Ховард М. Что значит «бороться с терроризмом» // Россия в глобальной политике. Т.1. 2003. № 1. С. 10-11.
11. Howard M. What Friends Are For // The National Interest. 2002. Fall. № 69. P. 10.
12. Chomsky N. Hegemony or Survival. America's Quest for Global Dominance. N.Y., 2003. P. 209-210.
13. Hoffmann S. Clash of Globalisations // Foreign Affairs. 2002. July-August. P. 104-105.
14. С понятием «полюс» и производными от него следует обращаться осторожнее. «Полюса» — это симметричные центры силы, которых может быть либо два, либо ни одного.
15. Howard M. What Friends Are For. P. 9.
16. Lindley-French J. Terms of Engagement. The Paradox of American Power and the Transatlantic Dilemma Post-11 September // Chaillot Papers. The European Union Institute for Security Studies. Paris. 2002. May. № 52
17. Что такое унилатерализм, объяснил с присущей ему прямолинейностью Чарлз Краутхэммер: «Мы обращаемся к друзьям лишь для того, чтобы они помогли нам в выполнении определенной миссии. Приоритет отдается миссии, и мы сами определяем ее» (Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002/2003. Winter. P. 10).
18. Krauthammer Ch. The New Unilateralism // The Washington Post. 2001. June 8.
19. Krauthammer Ch. The Axis of Petulance // The Washington Post. 2002. March 1.
20. Дж. Най-мл. констатирует: «"Новые унилатералисты" ратуют за "напористое распространение" американских ценностей и порядков. <...> Устойчивое большинство европейцев видит ныне в унилатерализме США серьезную международную угрозу для Европы на ближайшие 10 лет» (Nye J., Jr. Soft Power. N.Y., 2004. P. 64).
21. Ikenberry J. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. September/October.
22. Brooks S., Wohlforth W. American Primacy in Perspective // Foreign Affairs. 2002. July-August. P. 32-33.
23. Lindley-French J. Op. cit. P. 8.
24. Krauthammer Ch. The Unipolar Moment Revisited. P. 10.
25. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / Пер. с англ. М., 2004. С. XXXVII.
26. Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.